

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.9>

Гончарова Татьяна Александровна

Образ сибирской деревни в современных мемуарных текстах жителей Томского региона

В статье рассматривается образ сибирской деревни, представленный в мемуарных текстах жителей Томского региона, написанных в последней четверти XX - начале XXI в. Анализ мемуарных текстов позволил выявить следующие ключевые характеристики образа сибирской деревни: восприятие Сибири как родины и наделение ее положительными характеристиками, постоянное пополнение сибирских деревень новым населением (вольными и невольными переселенцами); сибирская деревня предстает как территория позитивного межэтнического взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности; житель сибирской деревни рисуется как трудолюбивый, способный преодолеть любые испытания, отзывчивый на чужую боль.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/4/9.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 51-55. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Этнография, этнология и антропология

Ethnography, Ethnology and Anthropology

УДК 93/94; 394

Дата поступления рукописи: 21.02.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.9>

В статье рассматривается образ сибирской деревни, представленный в мемуарных текстах жителей Томского региона, написанных в последней четверти XX – начале XXI в. Анализ мемуарных текстов позволил выявить следующие ключевые характеристики образа сибирской деревни: восприятие Сибири как родины и наделение ее положительными характеристиками, постоянное пополнение сибирских деревень новым населением (вольными и невольными переселенцами); сибирская деревня предстает как территория позитивного межэтнического взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности; житель сибирской деревни рисуется как трудолюбивый, способный преодолеть любые испытания, отзывчивый на чужую боль.

Ключевые слова и фразы: образ; сибирские деревни; мемуарный текст; воспоминания; Томская область.

Гончарова Татьяна Александровна, к. ист. н., доц.
Томский государственный педагогический университет
gta.76@mail.ru

Образ сибирской деревни в современных мемуарных текстах жителей Томского региона

Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Этническая история томских деревень в XX в. сквозь призму персональных текстов местных жителей», № 18-49-700002.

Важным компонентом региональной и этнической идентичности является образ места, в основе которого лежит целый комплекс взаимосвязанных характеристик: от пространственных до социокультурных. Наиболее емкое определение образа места через терминологию «географического образа» дает Д. Замятин, определяющий его как систему «взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко, и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию (место, ландшафт, регион, страну). Географический образ есть феномен культуры, характеризующий стадийное (общий аспект) и уникальное (частный аспект) состояния общества» [7, с. 29].

В зависимости от выделяемых оснований исследователями различаются несколько видов образа региона, в том числе по воспринимаемому этот образ субъекту на внутренний и внешний. Носителями внутреннего образа являются жители данного региона, внешнего – его гости и население других территорий. Внутренний образ ярко представлен в живой речи носителей языка, транслируется через публицистические и художественные тексты, создавая таким образом основания для формирования внешнего образа данной территории [16, с. 145]. Особое место среди источников, отражающих пространственные представления, занимают мемуарные тексты местных жителей. Как отмечают специалисты, естественная письменная речь, «наивное письмо» является проявлением повседневности, проявлением обыденного сознания рядового носителя языка [19, с. 39]. Кроме того, высокая информативность этих источников связана с тем, что в них особую актуальность приобретает концепт Родины. «Наивная художественная литература», как в лирических, так и эпических образах, очень патриотична [9, с. 28].

В современной гуманитарной науке с развитием микроисторических исследований серьезный интерес стал проявляться к «маленькому человеку», рядовому участнику исторических событий, и, следовательно, к созданным им персональным текстам – мемуарам, автобиографиям, дневникам и т.д. В этой связи обращение к современному мемуарному наследию жителей Томского региона представляется **актуальным**.

Мемуарные тексты активно используются для изучения образов городов центральной России [5], сибирских городов [1].

В изучении пространственных образов особое место занимает Сибирь. К исследованию различных аспектов этой темы уже обратились отечественные исследователи. Формированию образа Сибири в процессе ее колонизации посвящена статья Е. В. Головневой [4]. М. К. Чуркин в своей работе обращается к проблеме

«ментальных карт» и «воображаемой географии» Сибири, позволяющей увидеть множественные реальности места [21]. Образ Сибири сквозь призму журнальной прессы представлен в работе Н. Н. Родигиной [15] и др.

Однако за обширным понятием «Сибирь» скрывается ряд территориальных составляющих, в том числе сибирский город и сибирская деревня, имеющие свою этнокультурную специфику в отдельных сибирских регионах. В данной работе речь пойдет о сибирских деревнях Томского региона, что придает изучению образа Сибири конкретные территориальные рамки и обуславливает **научную новизну** исследования.

Цель данной статьи – выявление ключевых черт образа сибирской деревни и ее жителей на основе современных мемуарных текстов жителей Томской области.

Стоит отметить, что о Томском регионе имеется обширная мемуарная литература конца XVII – начала XX в. [20]. Довольно разнообразным является и современное творческое наследие его жителей. Источниковую базу работы составили мемуарные тексты, написанные в последней четверти XX – начале XXI в., в которых охвачен практически весь XX в. В центре внимания оказались населённые пункты из разных районов Томской области. Две книги воспоминаний И. К. Голещихина посвящены д. Пристань Кargasокского района Томской области [2; 3]. В центре повествования Г. И. Игнатова находится д. Цыганово Зырянского района [8]. Н. И. Михайлина в своих воспоминаниях ведет речь о д. Вороно-Пашня Асиновского района [12]. История переселенческого поселка Чесноки сквозь призму семейного повествования представлена в произведении А. А. Малиновского «Быль о родных» [11]. В воспоминаниях Н. С. Сутулова описывается деревня Федораевка Шегарского района [17; 18]. Историей родного села поделилась уроженка с. Молчаново Молчановского района Т. Д. Соколова [6].

Особенности восприятия территории местными жителями обусловлены многочисленными факторами: причинами переселения в Сибирь, успешностью адаптации на новом месте, культурными установками и этническими традициями. Следует подчеркнуть, что авторы рассматриваемых мемуаров являются местными жителями и ведут речь о малой родине, в образе которой акцентируется внимание на ее положительных характеристиках. Кроме того, авторы, по имеющимся данным, являются потомками добровольных переселенцев разных периодов, а значит негативного опыта, связанного с насильственным переселением в Сибирь, в их семейном багаже нет. Конечно, воспроизведённый на страницах изучаемых мемуаров социально-культурный контекст может отличаться от представленного, например, в воспоминаниях бывших ссыльных или депортированных, но это один из образов, бытующих среди местного населения. Сегодня специалисты обращают внимание на «возможность увидеть множественные реальности места» [21, с. 84].

Уже с первых страниц рассматриваемых мемуаров вырисовывается образ милой сибирской деревеньки. *«И родилась я 26 февраля 1949 года в селе, родном и сердцу милом, селе Вороно-Пашня»* [12, с. 4]. *«Но есть на Томской земле небольшой клочок земли, невероятно притягательный моему сердцу. В милой глуши, недалеко от п. Батурино Асиновского района в шестидесятые годы прошлого века была жива деревенька с магическим названием “Тунгусский бор”»* [13]. *«Не хотелось расставаться со своей милой, благодатной, чистой родиной. В этой деревне я родился, прожил до восемнадцати лет, многому научился»* [3, с. 4].

В повествовании жителей Томского региона можно выделить два типа сибирских деревень: старожильческую и переселенческую. Для жителей старожильческих поселений характерным является акцентирование внимания на длительности проживания их предков в Сибири: *«...интересная личность мой дед Сергей. Родился в 1886 году в семье казака Чернова Ивана, осевшего на Вороно-Пашенских землях с незапамятных времен»* [12, с. 39]; *«Мой дед, Крымский Иван Афанасьевич, родился в деревне Костарево в девятнадцатом веке»* [2, с. 3]. При описании переселенческой деревни, как правило, подчеркивается роль предков в ее основании. *«Мои дедушка и бабушка по отцовской линии, Макуха Павел и Матрена, в 1897 году одними из первых приехали в Сибирь из д. Сохачи Черниговской губернии. Им определили место в Елгайской волости Томского уезда Томской губернии. Ныне это Кожевниковский район Томской области. Для освоения земель и строительства им отвели место в глухой тайге на левом берегу р. Бакса, в 10-12 км от села Елгай. <...> Так мои предки стали основателями деревни Новоуспенки Елгайской волости, ныне – Кожевниковского района»* [10]. В стихотворном произведении А. А. Малиновского есть такие строки: *«И здесь в лесах глухой Сибири / как на кусочке Украины / обосновались ходоки Ковальчу- / ки и Ратнюки село назвали / Чесноки»* [11, с. 43].

В первой половине XX в. переселенческий дух в сибирской деревне был весьма заметен: *«На гулянках рассказывали, как кто и где жил до советской власти, как попали в Сибирь»* [14, с. 117].

На страницах нарративов создается образ сибирской деревни, в состав населения которой постоянно включаются новые жители. Учитывая возраст авторов и время создания текстов, в центре их внимания оказались депортированные и более поздние переселенцы. Сюжет о прибытии нового населения повсеместно встречается в персональных текстах. Так, в повествовании Ф. А. Юбина содержатся сведения о поселении в 1946-1947 гг. нескольких депортированных семей из Латвии, Литвы и Молдавии в Ломовицке, Петровске, Константиновке Первомайского района [22, с. 160], а И. К. Голещихин описывает прибытие в 1949 г. в д. Пристань Колпашевского района более десяти семей латышей [2, с. 188].

Важной составляющей образа сибирских деревень является многонациональный состав ее населения. Указание этнической принадлежности встречается при описании семьи, родственников: *«Дед Владимир, мордвин по национальности... а сосед Давыд, украинец»* [18, с. 15]. *«Бабушка моя Мария Максимовна... беленькая звонкоголосая хохлушечка...»* [12, с. 19]. По национальности могли определяться и участники различных бытовых ситуаций: *«Аля Шельгорн, с которой мы гребли (на веслах в лодке. – Прим. автора), совсем недавно сидела со мной за одной партией в школе. Она была из семьи сосланных в 1941 году с Волги*

немцев» [3, с. 6]. Из мемуаров можно узнать, что в одном из сел Первомайского района после войны «Мельником работал литовец Жигайтис Франц Францевич, кузнецом латыш Германис Жан» [22, с. 161]. Среди детских воспоминаний местной жительницы, например, сохранилось такое: «В маленькой пекарне женщины-литовки пекли большие буханки ржаного чуда. Вкус и запах этого хлеба ошущаю до сих пор» [13]. Воспоминания о с. Молчаново Т. Д. Соколова сопровождала краткой характеристикой жителей, где среди прочих сведений имеется указание национальности: «Анастасов, еврей. Жена-Прасковья, русская. Дети: Галина, Владимир. Хозяин занимался торговлей. У них был сепаратор, к ним все ходили заполойские сепарировать молоко. Жена принимала всех. Люди за услугу платили. В хозяйстве было много гусей»; «Прецепов Алексей Петрович. Белорус. Жена Клавдия-цыганка, она очень хорошо пела, гадала на картах. Без нее в Заполе свадьбы не проводились, ее любили, приглашали. Держали они корову, кур, была одна лошадь. Бедняки» и т.д. [6].

Чувствуется, что для авторов воспоминаний указание этнической принадлежности является важной деталью повествования, штрихом к чьему-либо портрету. Они осознают и подчеркивают этническое многообразие сибирской деревни.

Неотъемлемой чертой этнокультурного образа сибирской деревни является ее соседство с поселениями коренных народов. «Недалеко от Парабели стояла остяцкая деревня Ласкино с многовековой историей остяцкого рода. Почти вся деревня носила фамилию Саиспаевы» [2, с. 10]. Рассказывая о переселении предков на территорию современного Первомайского района, Н. В. Попелыгин подчеркивает, что там проживало коренное население: «В основном коренные жители – эвенки, раньше их называли остяки или тунгусы» [14, с. 115]. В воспоминаниях авторов можно встретить описание традиционного хозяйства коренных жителей: «Про остяков дед говорил, что они корм для скота готовили в сентябре – октябре. Косили и складывали в копны, стога не делали. Дрова у них были длинные. Концы дров подгорают, они их подвинут. Любили курить трубки и мужчины, и женщины. Пушнину у них забирали купцы, часто меняли на водку. Ели они сырую рыбу, зимой мерзлую и называли “чушь”. Летом остяки собирали дары природы: ягоды, орехи» [6].

В мемуарных текстах отражен длительный опыт взаимодействия разных народов в ходе заселения Сибири. Сибирская деревня на страницах сельских нарративов рисуется местом дружбы и межэтнического добрососедства. Н. С. Сутулов, описывая в воспоминаниях обустройство в Сибири своего деда в 1920-е гг., отмечает: «Хорошо помог сосед Давыд, столярных дел мастер, с которым дед был в большой дружбе, хотя совершенно разные по характеру люди. Дед Владимир, мордвин по национальности, молчалив, немногословен, спокоен, уравновешен, а дед Давыд, украинец, любил поговорить. Но это не мешало им быть друзьями» [18, с. 15]. Встречаются описания взаимодействия с коренными народами. Про рядом проживавших остяков И. К. Голещихин пишет: «Бывали у меня с ними встречи, которые надолго сохранил в памяти. Всегда восхищался я характером этих детей природы» [2, с. 10].

По персональным текстам сельских жителей региона прослеживаются сюжеты, характеризующие межэтническое взаимодействие в сфере хозяйственной деятельности. Так, описывая в своих воспоминаниях проживавших по соседству эвенков, Н. В. Попелыгин отмечал: «Народ очень честный, гостеприимный, помогли в питании и научили, как надо добывать зверя, птицу, ловить рыбу» [14, с. 115]. И сами сельские жители делились своим опытом с вновь прибывающими в Сибирь переселенцами вне зависимости от их этнической принадлежности. «Мы, коренные жители по доброте душевной учили латышией всем приемам охоты, рыбалки, изготовления ловушек и прочим хитростям таежной сибирской жизни» [2, с. 190].

На страницах семейных историй встречаются примеры межэтнических браков. Так, бабушка Н. С. Сутулова была полькой, и она запомнилась автору такой: «Бабушка Варвара читала много книг, как на русском, так и польском языке, постоянно переписывалась со своими родственниками и подругами, которые жили в Польше, на полученные письма давала очень большие пространственные ответы, рассказывая о своей жизни в Сибири» [18, с. 17-18]. А женой его сына стала «башкирочка Розаиля, которая стала ему верной спутницей жизни» [17, с. 30].

Проявлением межкультурного диалога в сибирской деревне можно назвать совместные культурные мероприятия. И. К. Голещихин, например, в своих воспоминаниях поведал о вечере, организованном одним из депортированных латышей: «Не вечерка, как у нас говорилось, а вот так необычно – “бал”. На вечер собрались местные ребятишки, звучала скрипка, аккордеон, мандолина, звучали латышские мелодии. Были танцы, скромное угощение. <...> Необыкновенное чувство радости охватило наши детские души» [2, с. 191-192]. В. К. Михалева упоминает вечера с литовскими танцами: «Усатый гармонист с баяном в руках, как мог, старался разнообразить свой репертуар. Сначала пары чинно кружились в вальсе. Затем наступало время литовских танцев. Очень четко помню один из них...» [13].

Однако стоит отметить, что при преобладающем большинстве встречающихся в повествованиях положительный характеристик представителей иноэтничных групп населения встречаются и отрицательные. Довольно стереотипно выглядит сюжет про цыган, которые «не держали скота, кроме лошадей», воровали, совершали преступления: «Они поймали, избили... задушили» одну из жительниц [8, с. 95]. Еще один пример связан с взаимоотношениями пореформенных переселенцев и коренных народов. «Жили в нем сибиряки, которых называли карагасы. К переселенцам они относились с неприязнью и враждебностью» [10].

Образ сибирской деревни на страницах воспоминаний дополняется характерными чертами ее жителей. Так, лакмусовой бумажкой для сибирского социума и проявления внутренних качеств сибиряков стало приятие в регион в военные и послевоенные годы депортированных. Строки воспоминаний местных жителей о вынужденных переселенцах наполнены сочувствием: «Это им пришлось в нечеловеческих условиях корчевать лес, рыть землянки, строить бараки, а затем с утра до вечера работать на лесоповале. Но тем не менее эти

люди мужественно переносили все тяготы бытия: работали, создавали семьи, рожали детей» [13]. Описываются и примеры милосердия сибиряков: «В дет. дом везли уже военных сирот, среди которых были и немцы. Очень несладко было ребятишкам с немецкими фамилиями, били их сверстники. Дедово сердце опять не выдержало, забрал он домой троих, а дома своих девять ртов, он десятый» [12, с. 40-41].

Еще одна черта жителя сибирской деревни, без которой вряд ли было возможно адаптироваться к суровым сибирским условиям, – трудолюбие. «Это село славилось исконными чалдонами, людом трудолюбивым и отчаянным», – пишет И. К. Голещихин о жителях старинного села Казальцево, расположенного в ста километрах от Парабелы [2, с. 20]. Описывая своего прадеда, обосновавшегося в с. Цыганово Асиновского района в 1840-е гг., Г. И. Игнатов отмечал: «Наум Игнатьевич был хорошим столяром и плотником, владел семью ремеслами. Был жаден в работе, и в любое время года у него находилось много дел» [8, с. 23]. Образ трудолюбивого крестьянина-переселенца из Украины представлен в поэтическом произведении А. А. Малиновского: «Отец все умел делать сам / он не страдал без дел от скуки / стекольщик плотник и маляр / он мастер редкий на все руки». При этом автор подчеркивает, что «таких в Сибирь прибыло много / “хохлов” – потомков кабарзя» [11, с. 43].

Изучение образа сибирской деревни сквозь призму мемуарных текстов жителей Томского региона позволило сделать следующие **выводы**. Несмотря на переселенческий характер формирования населения, Сибирь воспринимается как родина и наделяется положительными характеристиками. Ключевыми чертами сибирской деревни являются постоянное прибытие нового населения (вольных и невольных переселенцев) и его этническое многообразие, формируемое как за счет соседства с поселениями коренных народов, так и этнических депортаций. В целом на страницах воспоминаний предстает образ сибирской деревни как территории позитивного межэтнического взаимодействия в различных сферах жизнедеятельности: от хозяйственной до культурной. В мемуарах местных жителей Томского региона представлен образ трудолюбивого сибиряка, способного преодолеть любые испытания, отзывчивого на чужую боль.

Безусловно, образ деревень Томского региона в воспоминаниях местных жителей является лишь одним из локальных образов Сибири (обусловленный его территориальными и хронологическими рамками, а также принадлежностью авторов мемуаров к вольным переселенцам), но он существенно дополняет и конкретизирует наши представления о Сибирском регионе и его жителях в целом.

Список источников

1. Бакулина С. Д. Сибирская действительность в источниках мемуарного характера // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 305-308.
2. Голещихин И. К. Нарымские были. Томск: Иван Федоров, 2015. 274 с.
3. Голещихин И. К. Это было недавно... Изд-е 2-е. Томск: Иван Федоров, 2017. 212 с.
4. Головнева Е. В. Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 4. С. 211-220.
5. Гусева Т. М. Мемуары как источник по созданию историко-культурного образа уездных городов второй половины XIX в. (на примере городов Пензенской губернии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 15 (196). История. Вып. 40. С. 162-167.
6. Доровенчик Е. И. Воспоминания Таисьи Дмитриевны Соколовой [Электронный ресурс] // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. URL: <https://сибиряки.онлайн/documents/vospominaniya-taisi-dmitrievny-sokolovoj/> (дата обращения: 18.12.2019).
7. Замятин Д. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 26-50.
8. Игнатов Г. И. Далекое и близкое. Очерки. Воспоминания. Асино: Издательство Асиновское, 2005. 223 с.
9. Лурье М. Л. О феномене «наивного» сочинительства // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 15-28.
10. Макуха В. И. Мои предки – вольные сибиряки [Электронный ресурс] // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. URL: <https://сибиряки.онлайн/documents/moi-predki-volnye-sibiryaki/> (дата обращения: 10.11.2019).
11. Малиновский А. А. Быль о родных // Я вам, родные, излагаю быль...: сборник мемуарных текстов жителей Томской области / сост. Т. А. Гончарова, Г. В. Грошева. Томск: Издательство ЦНТИ, 2019. С. 41-65.
12. Михайлина Н. Дорога домой: книжка о родном селе Вороно-Пашня. Томск, 2016. 60 с.
13. Михалева В. К. Деревня Тунгусский бор [Электронный ресурс] // Сибиряки вольные и невольные: сайт мемориального проекта. URL: <https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80aschdb/documents/derevnya-tungusskij-bor/> (дата обращения: 10.09.2019).
14. Попельгин Н. В. Записки крестьянина // Как мы жили: воспоминания и устные свидетельства томских крестьян / публ. Н. М. Дмитриенко, Г. В. Шипилиной. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014. С. 114-122.
15. Родигина Н. Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. 328 с.
16. Сироткина Т. А. Образ региона в текстах воспоминаний (некоторые составляющие региональной концептосферы) // Язык как материал словесности: XXII научные чтения (г. Москва, 26 октября 2019 г.) / под общ. ред. Т. Е. Никольской, Ю. М. Папяна. Казань: Бук, 2019. С. 144-153.
17. Сутулов Н. С. Воспоминания. Томск: Красное знамя, 2006. 35 с.
18. Сутулов Н. С. Судьба. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2008. 116 с.
19. Сухотерина Т. П. Речевой жанр «Народные мемуары» в повседневной коммуникации // Язык и культура: сборник материалов III Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. Г. Проскурина. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2012. С. 38-42.

20. **Томск и томская земля в мемуарах и путевых записках конца XVII – начала XX в.:** аннотированная библиография / науч. ред. Н. М. Дмитриенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. 36 с.
21. **Чуркин М. К.** Сибирь в «воображаемой географии»: к вопросу о современном научно-исследовательском дискурсе // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2014. № 2 (2). С. 81-85.
22. **Юбин Ф. А.** Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны и педагогического труда Юбина Флегонта Афанасьевича // Я вам, родные, излагаю быть...: сборник мемуарных текстов жителей Томской области / сост. Т. А. Гончарова, Г. В. Грошева. Томск: Издательство ЦНТИ, 2019. С. 94-194.

Siberian Village Image in Recent Memoirs of Tomsk Region Residents

Goncharova Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tomsk State Pedagogical University
gia.76@mail.ru

The article examines the Siberian village image represented in the memoirs of Tomsk region residents of the last quarter of the XX – the beginning of the XXI century. The analysis of the memoirs texts has allowed identifying the following key characteristics of the Siberian village image: highly positive perception of Siberia as a native land, constant growth of rural population (voluntary and forced resettlers). The Siberian village is described as a territory of successful cross-ethnic interaction in different spheres; the Siberian peasant is depicted as an industrious person capable to overcome any ordeal and responsive to others' suffering.

Key words and phrases: image; Siberian villages; memoirs text; memoirs; Tomsk region.

УДК 93/94; 394.014; 316.48

Дата поступления рукописи: 26.02.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.10>

В статье впервые представлен анализ исследования новых возможностей этнологического мониторинга. Показан опыт проведения мониторинга применительно к студенческой среде в контексте выявления проблем идентичности и этнокультурного сознания. Результаты продемонстрировали суждения студентов о вопросах этничности, знании родного языка и функционировании этнической культуры. Представлены характеристика идентичности и культурные практики, свойственные студенчеству. Сделан вывод о том, что этнологический мониторинг позволяет осуществление анализа текущего состояния студенчества и воспроизводит потенциальные сценарии межэтнических и межкультурных коммуникаций.

Ключевые слова и фразы: этнологический мониторинг; межэтнические коммуникации; студенчество; идентичность; этничность; культурные практики; традиционная культура.

Медведев Владислав Валентинович, к. ист. н.
Сургутский государственный педагогический университет
vlad.etno@mail.ru

Идентичности студенчества регионального университета: опыт этнологического мониторинга

Преобразования традиционной культуры этнических групп, проживающих на территории современной России, хронологически взаимосвязаны с рубежом XIX-XX столетий и далее с периодом установления советской власти. В первом случае трансформации приходят в традиционный образ жизни и мировоззрение в результате проникновения городского уклада как следствия трудовой деятельности части сельского населения в промышленных центрах и интеграции сельчан в городское пространство. Одежда, предметы повседневности, домашняя мебель всё в большей степени подвергаются унификации, тем самым нивелируя этническую специфику и отличия. Во втором случае следует рассматривать создание советского общества, подразумевающего «советизацию» традиции и культуры конкретных этнических групп. Данный процесс продемонстрирован в сознании и культурных практиках, отражением чего служат антропонимы, ойконимы поселений, песенное и устное творчество, материализованная культура и сферы жизнедеятельности [3; 8, с. 187-188].

Традиционная культура, естественно, не исчезла и продолжила своё функционирование и на рубеже столетий, и в советский период. Традиции, уклад и культурные практики представлены по настоящее время. Но при этом следует понимать, что мы имеем дело с иными проявлениями и формами культуры, являющимися своеобразными наследниками традиции, уже подвергшимися значительной трансформации и продолжающими испытывать влияние современности.

Актуальность работы определена востребованностью в нашем обществе знаний и компетентности в вопросах, отражающих уровень этничности, формы и типы этнической идентичности, отношение к этнической культуре, в том числе среди студенческой молодёжи как наиболее динамично развивающейся категории социума.